

5. Маковский С. К. Константин Случевский [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Грамотей: сайт. URL: <http://www.gramotey.com/books/1269076759.htm> (дата обращения 04.02.2013).
6. Петрова Г. В. К некоторым проблемам поэтики И.Ф. Анненского [Электронный ресурс] // Иннокентий Анненский: Открытое цифровое собрание. URL: <http://annensky.lib.ru/names/petrova/petrova1998.htm> (дата обращения 04.02.2013).
7. Рогачева Н. А. Проблема поэтики запаха в литературно-критической прозе Иннокентия Анненского // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. №1. С. 213-220.
8. Рогачева Н. А. «Тяжелый русский дух»: Н. Клюев в полемике с А. Блоком и А. Белым // Филологический дискурс. 2009. Вып. 7. С. 16-27.
9. Тростников М. В. «Я люблю из бледнеющей шири в переливах растаявший свет...». Символика желтого цвета в лирике И. Анненского [Электронный ресурс] // Иннокентий Анненский: Открытое цифровое собрание. URL: <http://annensky.lib.ru/notes/trostnikov.htm> (дата обращения 04.02.2013).

Елена
Петровна
БАГИРОВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ САКРАЛЬНОГО ИМЕНИ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

В работе прослеживаются авторские идеи в отборе онимической лексики, интерпретируются принципы включения в художественный текст известных в мировой литературе и библеистике номинаций, анализируются пути формирования антропонимикона окончательной редакции романа «Мастер и Маргарита».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

сакральное имя, сакральный текст, оним, трансформация антропонима, модифицированная номинация, художественный текст, способы и принципы номинации.

Мир библейской истории в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» является предметом пристального внимания отечественных и зарубежных литературоведов, изучающих принципы осмысления и переосмысления литературой начала XX в. евангельских идей и сюжетов. Неслучайно в работах последних лет о Булгакове стали говорить не только как о социальном писателе, сатирике, фантасте, но и как о религиозно-этическом мыслителе, который по-своему интерпретировал единый сакральный текст (см. работы Б. М. Гаспарова, В. Химич, М. Чудаковой,

Сакральное слово

Е. А. Яблокова и др.). По мнению исследователей, сознательные авторские отступления от евангельского сюжета, внесение в канонический текст изменений необходимы для постижения идейно-художественного смысла всего текста: роман мастера о Пилате — это не свободная интерпретация Библии, а описание реальных событий, которые когда-то легли в основу повествования евангелистов.

Как отмечают современные исследователи, М. А. Булгаков, создавая стройный и величественный антропонимикон «библейских» глав, провел скрупулезную работу с художественной и историко-философской литературой. В частности, называются следующие источники, на которые мог опираться писатель: апокрифические сказания «Акты Пилата», латинская поэма XII в. «Пилат», «Археология страданий господина Иисуса Христа» Н. К. Маккавейского, «Евангелия канонические и апокрифические» С. А. Желебова, труды Иосифа Флавия и Тацита, книга Э. Ренана «Жизнь Иисуса», рассказ А. Франса «Прокуратор Иудеи» и прочие [Белза 1978, Утехин 1979].

Действительно, в первых черновых разработках романа явственно ощущается влияние канонического текста и сочинений теологов и богословов по истории христианства. Так, воссоздавая в романе сакральное пространство, автор осторожно вводит персонажей, идентифицируя их с помощью библейских имен-символов: *Иисус Назарет (Jesus Nasarenius, Искариот), Варрава, Pontium Pilatum (Пилат), Ирод Великий, Гестас, Дисмас, Варрава* и др. Объясняется это особенностью развертывания библейского повествования и степенью его разработки в первоначальном тексте. Первый вариант романа «Мастер и Маргарита», видимо, мыслился писателем как дьяволиада, где все действие концентрировалось вокруг московских походов сатаны. Библейское повествование не занимает здесь главенствующей позиции, связывающей в единое целое все сюжетные линии текста. Поэтому и стиль, и образы «ершалаимских» глав выглядят незаконченными. Автор еще только пытается осмыслить место и роль в контексте произведения библейских персонажей и вставного повествования в целом. Скорее всего, в его задумках зрела мысль о противопоставлении масочного, остраниженного, дьявольски-карнавального московского мира и мира сакрального. Поэтому писатель избирает знакомые имена, имеющие кодовый характер, поскольку они предполагают знание связанного с ними прецедентного текста (или исторического контекста).

При последующей правке романа автор продолжает работу с отобранными именами, как бы проверяя степень их поэтической звучности и исторической достоверности. Так, например, именование известного библейского персонажа, одного из учеников Иисуса Христа в первой редакции романа «Мастер и Маргарита» было представлено в следующих структурно-фонетических вариантах: Иуда из Кериот, Иуда из Кариот, Иуда Искариот, Юда Искариот. Данные номинации часто используются в рамках одного

предложения, словно писатель проверяет, какая из них наиболее приемлема для «древних» глав повествования: «*Иуда из Кариот* симпатичный, да? ... Это ужасно, прямо ужас ... какую беду себе наделал *Искарриот*» [Булгаков 1999: 83]. Антропонимы, используемые при идентификации героя, отображают и модель, и фонетическое оформление соответствующего евангельского имени: «Вошел же сатана в *Иуду*, прозванного *Искарриотом*, одного из числа Двенадцати» (Лука, 22: 3), «Тогда один из двенадцати, называемый *Иуда Искарриот*, пошел к первосвященнику...» (Матфей, 26: 14).

А. Долгих. ПРАЗДНИК ДЕМЕТРЫ И АИДА. 2012

В ходе дальнейшей работы над ершалаимскими главами автор несколько трансформирует избранное им имя. В тексте четвертой редакции зафиксировано следующее: «... принять все меры к охране *Иуды из Кериафа*» [Булгаков 1992б: 237]. Позднее, в шестой черновой правке, писатель, следуя уже не раз испытанному им принципу трансформации евангельских имен, вводит в текст модифицированный антропоним *Иуда из Кириафа*.

Изменения в отборе средств номинации, на наш взгляд, следует связать с изменением и усложнением образа именуемого персонажа. В ранних редакциях текста образ Иуды подается конспективно: «Очень милый мальчик... А женщина... А вечером...» [Булгаков 1999: 83]. В поздней правке Иешуа говорит Пилату: «Мне жаль юношу из Кериота. У меня есть предчувствие, что с ним случится несчастье сегодня ночью при участии женщины» [Булгаков 1991: 179]. В редакции 1938 г. образ персонажа проступает отчетливей, очерчиваются отдельные детали его истории: «Вышел молодой чернобородый человек в белом чистом кефе... горбоносый красавец. Сердце его прыгало, и мысли путались. ...Он летел вперед, и сердце его билось. Он напрягся в одном желании не потерять черной легкой фи-

гурки» [Булгаков 1992: 241]. В первых черновых тетрадах герой, именуемый Иуда Искариот, близок к библейской трактовке, персонаж последних редакций — это совершенно иная личность, восходящая к Иуде Евангелий, но подающаяся в другом прочтении. Здесь создан образ простодушного и наивного человека, искренне радующегося тридцати тетрадрахмам, питающего нежные чувства к женщине с именем Низа. В романе Иуда погибает из-за предательства любимой женщины, что также не совпадает с библейским мифом. Иуду, таким образом, губит любовь.

Присутствие разных фонетических вариантов онима в известных редакциях романа связано с различным подходом к передаче звучания библейского имени. Модифицированная номинация становится показателем творческого переосмысления известного образа, исторических фактов и событий. Кроме того, трансформированное имя как «неточная» цитата (причем, намеренно неточная!) отражает «лингвистическую трансформацию ранее известного образа в образ совершенно новый, построенный по общей семантической модели с первоисточником» [Сологуб 2000: 51]. Об этом же, например, свидетельствует ряд трансформационных замен, используемых автором при номинации Иешуа на протяжении всей истории становления произведения: Иисус ® Jesus Nasareneus ® Назарий → Иисус Назарет → Иисус Назарет из Эн-Назира ® Иисус Назарет из Эн-Сарида ® Иисус Га-Ноцри ® Ешуа Га-Ноцри → **Иешуа Га-Ноцри**.

В первой редакции функционируют номинации Иисус и Иисус Га-Ноцри: «Бродяга и тать, именуемый *Иисус Га-Ноцри*, совершил преступление против кесаря» [Булгаков 1992а: 34], «Было много сочувствующих *Иисусу*, и все же в целом толпа, Владимир Миронович, всегда толпа...» [Булгаков 1991а: 96]. Здесь же регистрируем номинации Назарий и Иисус Назарет: «— Ну спасибо тебе, *Назарий*, вымолвил он (Вар-равван. — Е. Б.), шамкая, замели тебя вовремя» [Булгаков 1991а: 96], «*Иешуа Га-Ноцри*, он же *Иисус Назарет*» [Булгаков 1999: 85]. Разные варианты именования героя говорят о том, что писатель еще не определился с трактовкой образа бродячего философа. Присваивая денотату разнообразные имена, автор пытается осознать его сущность, определить место в произведении. На этом этапе формирования текста образ героя неразрывно связан с евангельским Иисусом Христом, о чем свидетельствуют не только варианты именований персонажа, но и многие текстовые реминисценции.

Следует отметить, что в черновых тетрадах первой редакции герой идентифицируется и посредством антропонима *Ешуа Га-ноцри из Эн-Назира* [Булгаков 1992а: 28]. В этой номинации также фиксируется компонент, соединяющий образы евангельского персонажа и литературного: название города, в котором родился бродячий философ (Эн-Назира). В топониме отчетливо проступает элемент «назир», ассоциирующийся с названием родного города Иисуса Христа по Евангелию — Назаретом. М. А. Булгаков мог почерпнуть название Эн-Назира из книги английского историка и бо-

гослова Ф. В. Фаррара «Жизнь Иисуса Христа». В архиве писателя сохранилась следующая запись из книги Фаррара: «О Назарете не упоминается в Ветхом завете, если он не тождествен с Эн-Саридом.... Этот городок есть Эн-Назира, Назарет...» [Лосев 1993: 413]. Топоним Эн-Сарид появляется в третьей редакции романа: «Мое имя ... Иешуа Га-Ноцри из Эн-Сарида» [Булгаков 1999а: 112]. В окончательном варианте текста «топозлемент» имени звучит иначе: «— Откуда ты родом? — Из города Гамалы» [Булгаков 1988: 16]. В результате особенности выстраивания сюжета вставного повествования, принципы создания его ономастического пространства, с одной стороны, позволяют активизировать в памяти читателя различные ассоциации и аналогии, но с другой — воспринимать описываемые события как подлинные, не связанные с мифом. Именно поэтому история Иешуа Га-Ноцри воспринимается как история реально существовавшего лица, о котором позднее был создан единый сакральный текст. Модифицированные имена, таким образом, отражают лингвистическую трансформацию ранее известного образа в образ совершенно новый, но построенный по общей семантической модели с первоисточником. Новые формы и варианты, как и новые значения, вписываются в общую картину мира читателей и становятся более привлекательными и понятными, чем исходные.

С помощью трансформированных имен М. А. Булгакову удается заложить в структуру текста установку на ассоциативный тип читательского восприятия, который при соответствующей культурной памяти обеспечивает возможность углубления в смысл произведения. Кроме того, широкое вовлечение модифицированных имен собственных в художественный текст определяется коммуникативной и прагматической установкой автора, соотношением созданной им в тексте модели мира с реальной действительностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Театральный роман. Рассказы. Алма-Ата, 1988.
2. Булгаков М. А. «Мастер и Маргарита»: ранние фрагменты // Наше наследие. 1991. № 3. С. 58-76.
3. Булгаков М. А. Великий Канцлер // Слово. 1991а. № 4-10.
4. Булгаков М. А. Главы из романа «Мастер и Маргарита» (1938-1939 гг.) // Неизвестный Булгаков. М., 1992. С. 100-291.
5. Булгаков М. А. Князь Тьмы // Неизвестный Булгаков. М., 1992а. С. 17-56.
6. Булгаков М. А. Великий Канцлер (черновые редакции романа «Мастер и Маргарита»). М., 1992б. 544 с.
7. Булгаков М. А. Черный маг. Копыто инженера // Мастер и Маргарита. М., 1999. С. 62-105.
8. Булгаков М. А. Великий Канцлер // Мастер и Маргарита. М., 1999а. С. 105-161.

9. Белза И. Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст-78. М., 1978.
10. Лосев В. Комментарии // Неизвестный Булгаков. М., 1993.
11. Сологуб Ю. П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. 2000. № 2.
12. Утехин Н. П. «Мастер и Маргарита» М. Булгакова: Об источниках действительных и мнимых // Русская литература. 1979. № 4. С. 97-102.

Серафима
Николаевна
БУРОВА

САКРАЛЬНОЕ В СУЕТНОМ: О СОПЕРНИЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННОКОВ (Вс. Иванов и Л. Леонов)

Следы соперничества в художественных произведениях Вс. Иванова и Л. Леонова, в текстах их писем, в воспоминаниях свидетельствуют не только о суетном стремлении к первенству, но и о тонком понимании ими друг друга, о глубоком прочтении скрытых смысловых пластов текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

творческая история, андеграундный смысловой слой.

Тема соперничества художников не проходит незамеченной для исследователей историко-литературного процесса, но, как справедливо отмечается учеными, она нуждается в методологическом обосновании, т. к. сам по себе феномен соперничества имеет концептуальную основу [Подковыркин 1994: 12-19]. Соперничество современников и литературных поколений испытывают на себе и историки литературы, подчиняясь энергии состязания и намеренно уклоняясь от прямого ответа на вопрос о природе своих эстетических пристрастий. Может быть, именно в этом причина непростых взаимоотношений между сложившимися леоноведческим и всеволод-ивановским исследовательскими кланами. Дань внимания проблеме соперничества отдается и в книге Захара Прилепина «Леонид Леонов. «Игра его была огромна»», вводящей в научный обиход новые документы, проливающие свет на обстоятельства жизни, скрывавшиеся писателем от бдительной общественности, реконструирующей взаимоотношения Л. М. Леонова с теми, от кого зависели жизнь, творческая биография и его ощущение своего места в истории отечественной культуры. К числу тех, с кем общение Леонова было тесным и достаточно напряженным, относится и Вс. Иванов.